

Детские чтения
2018. № 2 (014)

От редакции	3
АНКЕТА ДЧ (на вопросы редакции отвечают И. Бернштейн, О. Лекманов, Р. Лейбов, Н. Барковская и др.)	6
ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Гуськов Н.</i> Топос «звери в городе»: К проблеме комментирования сказки К. И. Чуковского «Крокодил»	23
<i>Валиева Ю.</i> О книге Л. Савельева и М. Цехановского «Пионерский устав»	44
<i>Кокорин А.</i> Что нужно комментировать в «Трех толстяках» Ю. К. Олеши?	54
<i>Ло Лань.</i> Две редакции повести И. А. Рахтанова «Чин-Чин-Чайнамен и Бонни Сидней»: текстологический комментарий	75
<i>Михайлова О.</i> По следам комментария к «Денискиным рассказам» В. Ю. Драгунского: истории для взрослого читателя	94
<i>Брыкова А.</i> Глупый мышонок и тщеславная мышка: к вопросу о возможной трансформации одного фольклорного сюжета в сказке С. Я. Маршака	109
<i>Кадлец Н.</i> Как быль стала сказкой: серия «Пионеры-герои» и детский героический сюжет 1970–80-х гг.	123
<i>Маслинский К., Видяева А., Додонова Е., Кожевникова Ю., Никифоров Н.</i> От анализа портрета к поэтике шаблона: о стереотипии и гендерных моделях в изображении детей в советской детской прозе	138
<i>Устинов А., Лоцилов И.</i> Песни и легенды будетлянского скифства: Николай Асеев в журнале «Проталинка»	160
АРХИВ	
<i>Щербачев Ю.</i> Еще одна сказка Андерсена	213
ИНТЕРВЬЮ	
«Никакой паровоз сам по себе не паровоз». Беседа Ирины Сусловой с Александрой Литвиной, главным редактором издательства «Пешком в историю»	247
ЭССЕ	
<i>Бухина О.</i> Примечания переводчика в эпоху Интернета	259
<i>Чурсина О.</i> Воспоминания как комментарии к стихотворениям друга (на материале мемуаров В. И. Прохоркина о поэте В. Д. Берестове)	278
ДЕТСКИЕ КНИГИ В КРУГЕ ЧТЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ	
<i>Асонова Е.</i> Пока «...без комментариев», или Открытки о комментариях, которые только предстоит написать	288

*К. Маслинский, А. Видяева, Е. Додонова,
Ю. Кожевникова, Н. Никифоров*

ОТ АНАЛИЗА ПОРТРЕТА К ПОЭТИКЕ ШАБЛОНА: О СТЕРЕОТИПИИ И ГЕНДЕРНЫХ МОДЕЛЯХ В ИЗОБРАЖЕНИИ ДЕТЕЙ В СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ПРОЗЕ

В данной статье обсуждается методология анализа стереотипных черт в изображении литературных персонажей на примере советской детской литературы. Представлены результаты пилотного исследования, дополняющего изучение гендерных стереотипов в детской литературе подробным рассмотрением гендерной специфики в изображении персонажей-детей. При анализе стереотипных черт персонажей мы предлагаем рассматривать их не просто как отражение социальных норм, но как элементы поэтики текста. Анализ этого типа феноменов в литературной прозе мы называем «поэтикой шаблонов». Исследование основано на материале корпуса советской реалистической прозы для детей и юношества 1930–1980-х гг. На материале случайной выборки из 2486 упоминаний частей тела персонажей в корпусе нам удалось обнаружить количественные различия, обусловленные гендером персонажа, а также выявить ряд устойчивых приемов характеристики, включающих отсылки к частям тела персонажа.

Ключевые слова: корпусные исследования, советская детская литература, гендер, портрет, персонаж

Устойчивое воспроизведение гендерных стереотипов в книгах для детей — тема основательно изученная. Проявление гендерных стереотипов в детской литературе привлекло внимание социологов на волне подъема феминистской критики с начала 1970-х гг. и не выходит из исследовательского поля и по сей день. Интерес социологов и, шире, гендерных исследователей к детской литературе вызван тем, что она не только отражает существующие стереотипы, но и влияет на их формирование у следующего поколения, участвуя в процессе гендерной социализации ребенка. Иными словами, детскую литературу можно рассматривать как один из институтов воспроизводства гендерных стереотипов и гендерного неравенства.

Чаще всего содержание гендерных стереотипов в текстах для детей анализируется с использованием сложившегося уже в ранних работах в этой области набора методологических приемов [Weitzman et al., 1972]. В указанном исследовании, как и во многих других, авторы обращаются к текстам достаточно большого количества детских книг (порядка нескольких сотен), представляющих разные жанры детской литературы, в том числе и часто книжки-картинки. Для построения выборки чаще всего использовались списки номинантов на престижные книжные премии. С помощью контент-анализа текста и иллюстраций в этой коллекции составлялась статистика типов ситуаций, в которых изображаются мужские и женские персонажи. Выводы относительно гендерных стереотипов делаются на основании преобладания тех или иных типов контекстов при изображении персонажей-людей разного пола¹. К настоящему моменту по англоязычной детской литературе описана динамика доли женских персонажей за последние 70 лет, собраны данные о репрезентации гендерных ролей (женщины чаще изображаются в домашней и семейной сфере, мужчины — в деловой) [Anderson, Hamilton, 2005; Dougherty, Engel, 1987; Kortenhuis, Demarest, 1993; Nilsen, 1978 и мн. др.]. Сходные по постановке вопроса, хотя и значительно менее систематические исследования проводились и на материале русской детской литературы [Здравомыслова, Герасимова, Троян, 1998].

В описанной выше социологической традиции персонаж как таковой не является предметом интереса, его смысл редуцирован до бинарной гендерной функции. Носителем стереотипа выступает в первую очередь социальный и предметный контекст, в который помещен данный персонаж. Например, подсчет предметов, которые держат в руках персонажи книжек-картинок, показывает, что женщины чаще изображаются с предметами домашнего обихода — так прослеживается привязка женской гендерной роли к семейной сфере [Crabb, Bielawski, 1994]. Аналогичным образом стереотипные значения извлекаются из изображенных действий персонажей, например, родителей по отношению к детям: прикосновение, игра, дисциплинирование, демонстрация различных эмоций [Adams, Walker, O'Connell, 2011]. Несколько реже предметом систематического рассмотрения становятся характеристики внешности персонажа, прежде всего — красота [Baker-Sperry, Grauerholz, 2003].

Названные выше исследования объединяет общий прием работы с текстом — дробление характеристики персонажа на атомарные

единицы: статические ситуации, окружающее персонажа пространство и предметы, отдельные действия и жесты персонажа, приписанные ему характеристики. Такая атомизация позволяет преодолеть границы отдельных текстов и открывает дорогу для широких обобщений за счет классификации и количественного анализа атрибутов, приписанных целым классам персонажей, выделенным, например, по гендерному признаку. Важно отметить, что данный подход не предполагает анализа роли персонажа в сюжете, напротив, успешность метода обеспечивается атомизацией характеристик, исключением из рассмотрения развернутых сюжетных конструкций.

Социологически ориентированные гендерные исследования не предполагают внимания к собственно текстовой стороне произведения, для них текст или иллюстрация — всего лишь носитель информации (*medium*) о ценностях, стереотипах, распределении власти в обществе. Однако центральное положение категории персонажа, в характеристике которого манифестируются стереотипы и ценности, пробрасывает мостик к филологическому категориальному аппарату и делает методологию социологических исследований интересным поводом к размышлению о проблемах собственно филологического анализа стереотипных черт персонажей в литературе.

Первое, что сближает изучение гендерных стереотипов в литературе с филологическим анализом, — в качестве предмета рассмотрения выступает тип персонажа. Категория персонажа всегда предполагает диалектику индивидуального и типичного [Heidbrink, 2010]. В этом контексте редукция персонажа к гендерному признаку — всего лишь частный случай обобщения группы персонажей, представляющих абстрактный социальный тип. Образ «маленького человека», «женские образы» и подобные мотивированные социальной категорией группировки персонажей — узнаваемая тема литературоведческих работ [Давидович, 1927; Маркович, 1975; Ребель, 2007]. Важное отличие, которое бросается в глаза при сопоставлении с социологическими работами — типические черты персонажа в литературоведческих работах описываются, в первую очередь, на сюжетном уровне². При этом значительно меньше внимания уделяется проявлениям типического на уровне атрибутов персонажа, элементарных действий и характеристик — тех деталей, которые составляют основной материал для анализа стереотипии в гендерных исследованиях. В то же время в социологически ориентированных исследованиях стереотипные детали,

ассоциированные в текстах с тем или иным гендерным образом, трактуются как автоматическое отражение социального порядка, и не проблематизируются как прием или как изобразительное средство. Литературная традиция и авторский стиль в их объяснительную модель не включены.

Второе основание для сопоставления исследований гендерной стереотипии с литературоведческой традицией — тот тип литературного материала, который привлекается для подсчета и обобщения. В литературоведении этот материал рассматривается в рамках категории портрета. Широкое понимание портрета включает не только описание внешности и психических черт и состояний персонажа, но и все средства *характеризации*, включая жесты, действия и окружение, в которое помещен персонаж [Белецкий, 1923; Барахов, 1985; Дружкина, 1926; Eder, Jannidis, Schneider, 2010, p. 30–38]. Контраст с гендерными исследованиями состоит здесь прежде всего в способе ограничения предмета исследования. Если гендерные исследования с помощью выборочных процедур и сплошного анализа пытаются охватить репрезентацию персонажей в достаточно широком срезе литературного процесса, то в литературоведческих работах, посвященных анализу портретных характеристик, чаще всего в качестве предмета избираются персонажи одного произведения или в лучшем случае одного автора.

Ограничение исследований портретных характеристик отдельными авторами объясняется не только сложившимися дисциплинарными канонами, но и объективными трудностями в обработке большого объема материала. Перспективу расширения здесь могут предложить методы дальнего чтения. Появление текстов классической русской литературы в виде аннотированного корпуса с инструментами поиска позволяет проводить исследование портретных характеристик уже не на материале десятков или сотен вручную подобранных примеров, но на всей совокупности характеризующих деталей. Так, А. Бонч-Осмоловская выстраивает классификацию персонажей «Войны и мира» Толстого на основании сплошного количественного анализа портретных характеристик и показывает, что полученная типология хорошо соотносится с сюжетными функциями и авторской оценкой персонажей [Бонч-Осмоловская, 2016].

Дальнейшее развитие исследований портретных характеристик требует не только расширения материала, но и расширения спектра исследовательских вопросов. Большинство работ, посвященных

портретам персонажей у отдельных авторов, фокусируются на индивидуальных особенностях стиля и авторских приемах характеристики персонажей. При этом общий фон распространенных в современной автору литературе приемов портретной характеристики персонажей остается непроясненным. В результате утверждения об индивидуальной специфике авторских приемов отчасти повисают в воздухе. Показательно, например, что в работе, посвященной портрету в прозе Андрея Платонова, для иллюстрации специфики (действительно, весьма оригинальных) платоновских приемов М. Богомолова вынуждена ссылаться только на учебную литературу по поэтике, в которой предлагаются подборки «обычных» примеров портретного описания [Богомолова, 2013]. Проблема заключается в том, что в исследовательской литературе отсутствуют репрезентативные эмпирические данные о том, какие приемы характеристики персонажей в какой мере и в какие периоды были распространены в русской прозе.

На то, что в литературе существуют общие тенденции в применении приемов характеристики персонажей, указывают, в частности, результаты социологических исследований гендерных стереотипов в детской книге. Накопленные в гендерной литературе данные показывают, что существует общий изобразительный язык, проявляющийся в *выборе* и *предпочтении* определенных характеризующих деталей для определенных классов персонажей. И филологическая задача состоит в том, чтобы описать его не только как социальную данность, но и как часть литературного дискурса, иными словами — как предмет поэтики. Впрочем, эта поэтика будет прозаической одновременно в прямом и переносном смысле этого слова, поскольку речь идет о тех деталях, которые в большинстве своем лишены специальной поэтической функции, и в пределах отдельных произведений кажутся не более чем элементами обыденного языка. Но если рассмотреть широкий срез литературного процесса, станет заметно, что эти детали при всей своей обыденности устойчиво воспроизводятся и составляют ткань прозаического литературного дискурса, описание которого можно условно назвать *поэтикой шаблонных черт*.

Сопоставление социологической и филологической исследовательских перспектив дает нам методологическую программу для эмпирического исследования шаблонных черт в изображении мальчиков и девочек в советской детской литературе. Мы фокусируем внимание на персонажах-детях, поскольку предполагаем,

что в силу социализирующих функций детской литературы гендерные стереотипы должны проявляться не в меньшей, если в не большей степени по отношению к детям. Материалом для исследования служит корпус текстов, репрезентирующий советскую прозу для детей и юношества, тяготеющую к реалистическому стилю письма. Мы рассматриваем контексты, в которых присутствует портретная характеристика персонажа — его атрибуты или действия. Связанные с гендером персонажа предпочтения авторов в выборе характеризующих черт можно проследить с помощью статистического анализа. Однако мы не ограничиваемся констатацией гендерных различий, но анализируем содержание наиболее частотных портретных характеристик, подходя таким образом к анализу поэтики шаблонного в изображении детей в детской литературе. В данной статье мы представляем результаты пилотного исследования, в котором рассматривается только один аспект характеристики персонажа — телесный. Задача исследования — оценить общие и гендерно-специфические тенденции в изображении телесности персонажей на основании анализа упоминаний нескольких выбранных нами частей тела.

КОРПУС

Первая стоявшая перед нами задача — построить репрезентативную выборку произведений советской детской литературы, на основании которой можно судить об общих тенденциях в изображении персонажей. При построении выборки мы использовали часть корпуса советской детской прозы для детей и подростков (ДетКорпус)³, которая репрезентирует прозаические произведения для детей школьного возраста и подростков, написанные советскими авторами на русском языке, вышедшие отдельными книжными изданиями. Корпус не включает публикации в периодической печати. В тематическом и жанровом отношении он ограничивается произведениями о советских детях, написанными в реалистическом стиле.

Отбор произведений для включения в корпус производился в два этапа. На первом этапе был составлен библиографический список, призванный максимально полно отразить издательский поток произведений, соответствующих перечисленным выше критериям отбора. Для составления списка был использован ретроспективный библиографический указатель по детской литературе И. И. Старцева за период с 1932 г. по 1966 гг.⁴ Выборка составлялась методом исключения текстов, не соответствующих критериям

отбора произведений в корпус. Были исключены поэзия; нехудожественная литература (non-fiction) и беллетристика; произведения дореволюционных авторов; переводная литература, а также книги, написанные на языках народов СССР; народные и литературные сказки, фантастическая литература; литература для малышей и дошкольников (книжки-картинки). Отбор производился по библиографическому описанию или краткому содержанию⁵.

На втором этапе мы постарались отобрать максимально возможное число оцифрованных текстов, взятых из открытых интернет-источников и электронных библиотек. В финальную выборку было включено по одному изданию прошедших отбор произведений. В качестве года издания произведения мы указывали год самого раннего отмеченного Старцевым книжного издания. На этой ступени число текстов, входящих в выборку, значительно снизилось и составило 340 текстов (около 30–40% от составленного на первом этапе библиографического списка). В результате в корпусе наиболее полно представлены произведения, издававшиеся с 1946 по 1960 гг., которые суммарно составляют 70% объема корпуса.

ЧАСТИ ТЕЛА

Телесность — одно из свойств, которым в той или иной мере обладают все персонажи, поскольку оно входит в ядро прототипического представления о человеке [Eder, Jannidis, Schneider, 2010, p. 13]. В прозаических текстах разные аспекты тела и внешности так или иначе упоминаются в процессе характеристики персонажа. Обнаружить характеристику телесности персонажа можно с помощью лексического поиска, например, отслеживая упоминания различных частей тела в тексте — прием, периодически применяющийся в количественно-ориентированных исследованиях литературных портретов [Underwood, Vamman, Lee, 2018; Бонч-Осмоловская, 2016]. Для нашего пилотного исследования мы отобрали для рассмотрения лишь несколько лексических групп, обозначающих части тела: *руки, ноги, глаза, губы, щеки, нос, подбородок, затылок, колени, бедра, ягодицы*. В лексический список были включены диминутивные формы (*губки, коленки, щечки*) и эвфемизмы (*зад, мягкое место, пониже спины*).

Лексемы из нашего списка могут использоваться в текстах далеко не только для характеристики персонажей. Помимо разного рода омонимов и переносных значений важным источником шума выступают идиоматические выражения, не предполагающие

референции к частям тела каких-либо персонажей (например, «коленом под зад» в значении ‘выгнать’). Наша задача состояла в том, чтобы отобрать для анализа только те контексты, в которых осуществляется референция к части тела персонажа. Поскольку в полном корпусе количество употреблений слов из составленного списка слишком велико (например, глаза упоминаются 32 757 раз), мы были вынуждены ограничиться случайной выборкой не более 500 или 250 примеров из корпуса по каждой части тела.

Все отобранные примеры по каждой части тела были просмотрены одним из авторов и закодированы: во всех случаях, где речь идет о части тела персонажа, был указан пол и возрастная группа персонажа — ребенок (включая подростков) или взрослый. Персонажи-животные не включались в анализ. На основании этих данных мы можем оценить относительную частотность упоминания разных частей тела в характеристиках персонажей в детской литературе и проанализировать тенденции в преобладании тех или иных частей тела в характеристиках детей/взрослых и мальчиков/девочек.

В нашей выборке оказалось почти одинаковое количество фрагментов, относящихся к взрослым и детям (1201 и 1285 соответственно), из чего можно заключить, что телесные характеристики взрослых и детских персонажей занимают примерно равное место в детской литературе. Однако части тела, вошедшие в наш список, очень различаются по употребительности в характеристиках персонажей. На основании выборочных данных мы оценили среднюю частотность каждой из частей тела в характеристиках персонажей в нашем корпусе в целом⁶. По распространенности в характеристиках персонажей наш список разделился на четыре группы: чаще всего упоминаются *руки и глаза*, примерно втрое реже — *ноги, губы, нос и щеки*. *Колени, затылок, лоб и подбородок* встречаются в портретах в десять раз реже губ и щек, и еще вдесятеро реже подбородков упоминаются *бедра и зад*ы (рис. 1). Аналогичная группировка частей тела и соотношения частотностей обнаруживаются и в отношении взрослых персонажей.

Прослеживается ли в наших данных тенденция упоминать ту или иную часть тела чаще в описаниях взрослых или детей? Для ответа на этот вопрос мы соотнесли оценки частотности каждой части тела в описаниях детей и взрослых. В тех случаях, когда доверительные интервалы оценок не накладываются друг на друга, мы можем утверждать, что различие в частоте отсылок к данной части тела в описаниях детей и взрослых нельзя списать

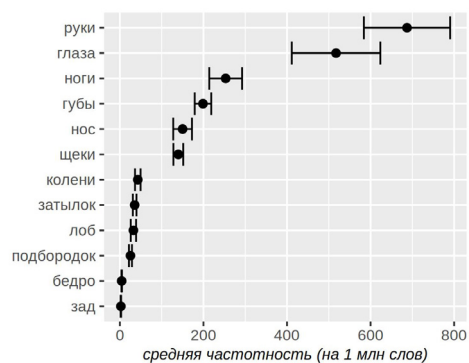

Рис. 1. Частотность упоминаний частей тела персонажей-детей. Оценка средней частотности в корпусе на основании выборочных данных с указанием 95% доверительного интервала

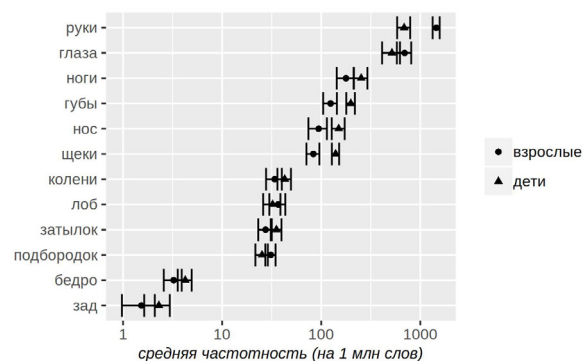

Рис. 2. Частотность упоминания частей тела в характеристиках детей и взрослых на случайные факторы при составлении выборки, — вероятно, за ним стоит различие в предпочтениях авторов⁷. При сравнении характеристик персонажей-детей и взрослых обнаружили две группы различий: о *руках* чаще говорится в характеристиках взрослых, в то время как *щеки* и *губы* более характерны для портретных характеристик детей (рис. 2).

Обнаруженные различия в частотности упоминания рук, щек и губ у детей и взрослых вряд ли имеет смысл пытаться объяснить действием какого-то одного фактора или прямым отражением стереотипа. Однако просмотрев соответствующие контексты портретных описаний, можно обратить внимание на шаблонные

ситуации, в которых появляется номинация данной части тела. Так, при описании рук взрослых мужчин нередко контексты с негативными коннотациями: война, боль, агрессивное поведение.

Атаман грозно махнул рукой и сел на опрокинутый стул, обняв персидскую княжну (Григорьев, «Мальчий Бунт», 1925 [1928])⁸.

Соскочив с грузовика, Андрей Андреевич чуть ли не бегом (проклятая рука! Болит все-таки!) пустился по темному Кировскому к себе, к себе... Скорее! (Караев, Успенский, «60-я параллель», 1955).

В случае со взрослыми женщинами, руки выступают в большинстве случаев «проводниками» телесного контакта, часто это ситуации, в которых кого-то берут на руки.

Одна из женщин взяла на руки девочку, крепко поцеловала ее в щеку и спросила: — А вы, мальчики, что? Тоже из пострадавших? (Котовщикова, «В большой семье», 1949)

Ляля сидит у бабушки на руках. В первый раз она видит совсем близко бабушкино лицо, покрытое мелкими морщинками (Георгиевская, «Бабушкино море», 1949).

Бабушка подошла к Олегу, положила ему руки на плечи... (Кошевая, «Повесть о сыне», 1947 [1976]).

Губы чаще упоминаются в портретных характеристиках детей. Среди этих упоминаний много случаев, в которых изображается тот или иной мимический жест, призванный обозначить эмоцию: сюда относится поджимание, выпячивание, дрожание губ.

— Маня, ей очень плохо? — Очень, ой, очень, — говорит Манька и поджимает губы (Карнаухова, «Повесть о дружных», 1949).

Володя, упрямо выпятив нижнюю губу, швырнул свою модель на землю, поднял ногу (Кассиль, «Улица младшего сына», 1949 [1984]).

Я заметил, что Катя нахмурилась. Губы у нее дрогнули, она хотела что-то сказать, но удержалась (Каверин, «Два капитана», 1944 [2003]).

Щеки, как и губы, хорошо отображают эмоции, позволяя показать ребенка беззащитным и в некоторой степени наивным:

Я посмотрел на Егора. Щеки его еще больше надулись, он искоса поглядывал на меня, серьезный, деловитый... (Бондин, «Моя школа», 1934)

Лоб и щеки Тани побагровели. Она отлично знала, о какой кошке он говорит (Фраерман, «Дикая собака Динго», 1939).

Девочка улыбалась, и от этого на щеках ее появились две маленькие ямочки (Ицын, «Подростки», 1937).

Иногда, если речь идет о взрослом, щеки в портрете могут соотноситься с детским, мальчишеским поведением:

За работой лицо у отца прояснялось, становилось беззаботным, мальчишеским. Он высовывал язык, надувал щеки, посвистывал (Смирнов, «Открытие мира», 1948).

Обобщая, можно предположить, что преобладание губ и щек в портретах детей объясняется склонностью авторов использовать конвенциональные способы изображения эмоциональных состояний, подобные приведенным выше. Количественная асимметрия таких описаний между взрослыми и детьми указывает на то, что модель ребенка, на которую ориентировались авторы попавших в нашу выборку советских текстов, предполагает более открытую демонстрацию эмоций (стереотип «детской непосредственности»), в то время как от взрослых персонажей ожидается больший уровень эмоционального контроля, в том числе во внешних проявлениях.

По результатам гендерных исследований известно, что в детской литературе в характеристике персонажей отчетливо проявляются тенденции, связанные с представлением о гендерных ролях и нормативных гендерных качествах. Естественно ожидать проявления подобного эффекта и в телесной характеристике персонажей в нашем корпусе.

В отличие от почти равномерного распределения взрослых и детей, в нашей выборке оказалось всего 30% примеров, в которых упоминались части тела персонажей-девочек и 70% примеров, относящихся к персонажам-мальчикам. Эта асимметрия объясняется прежде всего хорошо известным фактом, что в литературных текстах, среди авторов которых преобладают мужчины, в том числе в детской литературе, доля персонажей-женщин существенно ниже доли персонажей-мужчин и обычно колеблется на уровне 25–40% [Underwood, Bamman, 2016].

Диспропорция в количестве персонажей-мальчиков и девочек не позволяет напрямую сравнивать оценки частотности частей тела в корпусе. Неслучайные различия, отражающие гендерные предпочтения в описании частей тела персонажей, можно выявить с помощью статистического теста, оценивающего отклонение доли каждой части тела в описаниях девочек от доли описаний девочек в нашей выборке в целом (подробнее см. примечание 7). Результаты

теста показывают, что в характеристике девочек чаще используются *щеки* и *губы*, в меньшей степени — *подбородки*, в то же время упоминание *затылков*, *задов*, *бедер* и *ног* гораздо более характерно для описаний мальчиков. Примечательно, что для взрослых персонажей гендерное распределение частей тела совершенно иное: у женщин чаще упоминаются *руки*, в то время как *ноги* оказываются более типичным атрибутом мужчин. В отношении остальных частей тела в портретах мужчин и женщин нет существенных отличий.

Снова обнаружив *щеки* и *губы* в списке неравномерно распределенных частей тела, мы можем заключить, что наш вывод о связи этих частей тела с изображением эмоциональных состояний здесь подкрепляется стереотипным представлением о большей эмоциональности девочек. Анализ примеров поддерживает это предположение. Щеки в характеристиках девочек упоминаются в основном в двух основных контекстах: при описании внешности персонажа и для изображения эмоциональных состояний — щеки «горят», «пылают», по ним катятся слезы. Аналогично обстоит дело с губами девочек: они встречаются в описаниях и служат для изображения характера и эмоционального состояния через мимические жесты — губы облизывают, кусают и сжимают.

Заложив руки за спину, Бабин бросил взгляд на резец Леночки Туфик, подошел к станку Кати, посмотрел и крикнул. Щеки Кати запылали, голова склонилась низко-низко (Ликстанов, «Мальшок», 1947 [1959]).

Маша не договорила. Она села за парту, обиженно поджав губы, и до конца сбора не сказала ни слова (Воробьев, «Честное пионерское», 1955 [1961]).

Преобладание подбородка в описаниях девочек объясняется несколько менее очевидным сочетанием факторов. Во-первых, персонажи-девочки часто завязывают на подбородке платочек, шапочку, тесемки. Во-вторых, подбородок нередко упоминается в описании позы: «подперев подбородок», «стиснув подбородок кулачками», «подтягивать колени к подбородку» — можно предположить, что эти жесты тоже призваны подчеркнуть феминность персонажей.

Выраженный недостаток затылков, задов, бедер и ног в портретах девочек может объясняться, с одной стороны, действием культурных табу на изображение определенных телесных зон и функций, с другой, — преобладанием маскулинных контекстов в связи с некоторыми частями тела, в частности, затылок нередко возникает

при изображении дисциплинирования и рукоприкладства по отношению к мальчикам.

ФУНКЦИИ

Приведенные в предыдущем разделе примеры показывают, что интересные с точки зрения поэтики шаблонных черт наблюдения возникают, когда мы анализируем нарративную и образительную функцию, в контексте которой упоминается та или иная часть тела. В данном разделе мы предлагаем систематизировать эти наблюдения и сделать их доступными для обобщения и количественного анализа. С этой целью мы определили десять обобщенных нарративных функций, свойственных прозаическим портретным характеристикам:

Описание — часть тела упоминается для создания образа персонажа, характеристики некоторых внешних черт. «У нее были ловкие на всякое рукоделие руки» (Валевский, «Наследники Тимура», 1957).

Жест — часть тела используется для жестикуляции, например, персонаж чешет затылок, подбородок, потирает руки и т. п. «Потом разучивали два удара. Махали руками по воздуху» (Голявкин, «Тетрадки под дождем», 1959 [1989]).

Мимика — объединяет все мимические движения. «Капризно надув губки, Ляля села» (Торбан, «Заколдованная палата», 1962).

Поза — описание позы персонажа, включающее отсылки к частям тела. «Сережа чинно сел на стул и сложил руки на коленях» (Метгер, «Товарищи», 1953).

Ощущение — часть тела описывается через локализованные в ней ощущения. «В голове стоял звон. Жарко. Горели щеки. До звонка не вернулся в класс» (Яковлев, «Первый ученик», 1934 [1973]).

Телесный контакт — любое прикосновение одного персонажа к части тела другого. «Шура радостно сжала руку подруги» (Самсонов, «По ту сторону», 1950 [1982]).

Опора — персонаж опирается на данную часть тела. «Последние два удара под ложечку были нанесены с такой силой, что Федька охнул, попятился, а потом упал задом на песок» (Азбукин, «Пять колодезей», 1957).

Локализация — какой-либо предмет расположен на этой части тела. «Таня, слушая, разглаживала на коленях платочек» (Прилежева, «С тобой товарищи», 1949).

Мера — контексты, в которых часть тела упоминается как мера в соотношении с окружающими объектами. «Анни юркнула в постель и закрылась одеялом до подбородка» (Торбан, «Снежный человек», 1938 [1964]).

Инструмент — персонаж использует часть тела для манипуляции с объектами: что-то сломать, поднять или вытащить. «Потом Галя надела теплый платок и старый полушубок отца и взяла топор в руки» (Фраерман, «Дальнее плавание», 1946 [1967]).

На пути выделения нарративных функций при упоминании частей тела у нас есть предшественники. В частности, А. Бонч-Осмоловская выделяет два типа контекстов: жест и описание [Бонч-Осмоловская, 2016]. Наша классификация более дробная, поскольку мы не ограничиваемся портретными описаниями в узком смысле, но включаем в рассмотрение все виды характеристики персонажа, в которых присутствуют указания на часть тела.

Все относящиеся к персонажам-детям примеры по каждой части тела были закодированы одним из авторов — каждому примеру была приписана одна из перечисленных функций. После кодирования осуществлялась выборочная перекрестная проверка другим автором, спорные случаи были перекодированы по результатам обсуждения разногласий.

Естественно предположить, что разным частям тела будут свойственны разные функции из нашего списка. Мы проверили с помощью серии статистических тестов для каждой пары *часть тела — функция*, есть ли отклонения количества упоминаний этой части тела в данной функции в большую или меньшую сторону от ожидаемого значения⁹.

Отметим несколько самых значимых результатов, полученных нами в ходе анализа. *Жест* оказался функцией очень свойственной затылку: персонажи часто его чешут, трут, гладят и проводят другие манипуляции. Обратная ситуация наблюдается с коленками, в отношении них жест используется реже, чем это ожидается статистически. Ожидаемые результаты мы наблюдаем на примере функции *инструмент*: она чаще обнаруживается у рук и чуть реже — у ног. Связано это с тем, что персонажи в книгах часто что-нибудь бросают, ударяют, держат в руках, а кроме того топчут и ломают ногами различные вещи. В противовес этому, затылок и все лицо почти никогда не фигурируют в тексте в функции инструмента. Более интересный результат ждал нас при анализе *телесного контакта*: на статистически значимом уровне телесный

контакт чаще наблюдается с задом. Объясняется это тем, что в текстах детей часто шлепают по задку в качестве наказания. Телесный контакт с затылком тоже весьма распространен, в основном дети по нему ударяют или гладят. А вот губы с телесным контактом не сочетаются, то есть можно сказать, что телесного контакта губами в советской детской литературе практически нет (во всяком случае, когда упоминается поцелуй, при этом не описываются губы). Подбородок, глаза и ноги тоже с телесным контактом встречаются редко. С функцией описания *ощущений* сильнее всего связана одна часть тела — щеки. Можно вспомнить здесь уже обсуждавшиеся выше примеры, в которых щеки у детей «горели» от стыда и смущения. Также ощущения часто бывали в ногах: ноги болели и уставали. Что интересно, детские руки, напротив, в советской детской литературе практически ничего не ощущают.

Статистическая проверка различий в частотности функций в портретных характеристиках мальчиков и девочек дала не так много значимых результатов, которые еще раз подтверждают уже обнаруженные тенденции. Мальчики в целом больше жестикулируют, причем наибольшее число жестов привязано к затылку, ногам и подбородку. Девочки чаще опираются телом — этот эффект объясняется за счет щек и подбородков, о чем также уже шла речь выше. Кроме того, количество упоминаний мимики несколько выше ожидаемого у персонажей-девочек, в первую очередь в мимической функции выступают глаза и губы.

CASE STUDY: ЗАТЫЛОК

Чтобы оценить, существуют ли более тонкие гендерные различия в характеристике частей тела, чем позволяют обнаружить выделенные нами нарративные функции, мы выбрали одну из не самых частотно упоминаемых частей тела — затылок. Мы проанализировали все 125 упоминаний затылка в описаниях детей. В целом затылок является довольно «мальчишеской» частью тела в советской детской литературе (лишь 19% затылков принадлежат девочкам). Из всех функций у затылка встречаются только шесть: жест, телесный контакт, локализация, описание, ощущение, поза. Большинство функций распределены по затылкам мальчиков и девочек примерно в той же пропорции.

Наиболее выраженное количественное различие — только у функции *жест*: 44 жеста с затылком у мальчиков и только один у девочек. Единственное упоминание жеста у девочки — это статистически

очень «мальчишеский» жест для нашего корпуса: сдвинуть шапку на затылок. Что характерно, в данном контексте этот жест используется для характеристики гендерного нонконформизма, мальчишеского характера и поведения героини:

Мальчишеская шапка ее сидела на затылке, по ветру мотались из стороны в сторону прямые, светлые, как солома, волосы. <...> Толкнула шапку на затылок и пошла петлять меж кустов (Печерский, «Красный вагон», 1960 [1963]).

Вторая важная функция затылка — *телесный контакт* — не обнаруживает выраженного гендерного контраста ни в количественном, ни в содержательном отношении. Соотношение количества примеров пропорционально доле девочек (5/29), самой частотной разновидностью контакта для обоих полов оказывается удар по затылку, более редкой — ласковые прикосновения. Небольшое различие состоит в том, что мальчиков гладят по затылку женщины (2 случая), а девочку — отец (1 случай).

Интересный содержательный контраст между мальчиками и девочками обнаруживается при анализе упоминаний затылков в контексте функции ощущение. Если немного обобщить, можно выделить два разных ощущения, связанных с затылками мальчиков. Во-первых, мальчику в затылок могут (горячо, жарко) дышать, где-то в толпе или в кинотеатре, либо пристально смотреть в затылок (он чувствует взгляд затылком) — 6 случаев из 10. Во-вторых, затылок может потеть, ему жарко, на него что-то давит, на нем бывает шишка — ощущение дискомфорта и боли — остальные 4 случая. Таким образом, мальчишеский затылок фигурирует в двух контекстах. С одной стороны, он отображает телесную составляющую (жар, пот, боль), и в этом случае в связи с затылком фиксируется физиологическая функция. А с другой стороны, затылок выступает зоной социального контакта.

Мне снова стало жарко, я почувствовал, что он мне смотрит прямо в затылок. (Железников, «Путешественник с багажом», 1961 [2011]).

Любопытно, что в связи с затылком девочек обе эти зоны — физиологических проявлений и социального контакта — полностью сняты. Единственное обнаруженное в нашей выборке ощущение затылка девочек — его печет солнце (2 случая в разных текстах).

Солнце уже весело гуляло в небе, прижигая Тане затылок (Карнаухова, «Повесть о дружных», 1949).

Подводя итог этого небольшого эпизода, можно отметить, что употребление затылков в советской детской прозе демонстрирует весьма отчетливый гендерный контраст. Отчасти этот контраст вполне успешно выявляется с помощью количественного анализа в терминах предложенных нами нарративных функций. Так, жест, связанный с затылком, оказывается очень мальчишеской чертой. Однако более тонкие аспекты этого контраста вскрываются только при анализе контекстов в рамках одной и той же функции. Разница может проявиться в характере персонажей или нарративных смыслов, которые привлекаются к этой части тела. Хороший пример такого тонкого контраста: ощущения затылка мальчиков и девочек, которые показывают, что в этом случае телесность персонажей-мальчиков служит для актуализации физиологической и социальной сфер, что не характерно для персонажей-девочек (возможно, в силу ограничений культурных норм).

ЕЩЕ РАЗ О ПОЭТИКЕ ШАБЛОНОВ

Результаты нашего пилотного исследования в целом хорошо согласуются с данными о разных аспектах проявления гендерного дисбаланса в литературных текстах, в том числе в детской литературе. Мы видим, что меньшее текстовое пространство, отведенное женским персонажам, сказывается и на пропорциональном уменьшении общего количества телесных характеристик женских персонажей. Наше исследование дополняет литературу о гендерных стереотипах в детской литературе подробным рассмотрением связанных с гендером тенденций в изображении персонажей-детей. Обнаруженные нами гендерные различия в изображении советских мальчиков и девочек указывают на несколько аспектов гендерных моделей ребенка советской эпохи. Так, в изображении девочек прослеживается больший акцент на внешних телесных проявлениях эмоциональных состояний. Персонажи-мальчики больше жестикуют, в то время как для девочек более характерно изображение мимических движений. В количественном соотношении упоминаний разных частей тела и в контекстуальной семантической нагрузке этих упоминаний прослеживается разная степень табуированности телесных зон, связанная с гендером персонажа.

Хотя мы не анализировали подробно телесность взрослых персонажей, даже по общим количественным тенденциям и отдельным наблюдениям видно, что в советской детской литературе существуют нетривиальные различия в изображении телесности

взрослых персонажей и детей. В частности, гендерный контраст по изображению частей тела у взрослых и детей устроен по-разному. Нам представляется, что эти различия не следует сводить исключительно к внелитературным факторам — различию гендерных моделей в отношении взрослых и детей. Необходимо рассмотреть и внутрилитературные факторы, которыми могут объясняться замеченные нами тенденции. Мы можем высказать два предположения. Во-первых, в детской литературе персонажи-дети часто выступают персонажами первого плана, в то время как взрослые персонажи чаще играют второстепенные роли. Разница во внимании к портретным характеристикам может объясняться этим обстоятельством, поскольку известно, что портреты главных и второстепенных персонажей в прозаических текстах строятся по-разному [Гинзбург, 1979, с. 89]. Во-вторых, возможно, что портретные описания в детской литературе, и в частности портреты взрослых персонажей, даны адаптированными «под детский взгляд», именно этим может быть вызвана возможная специфика портретных характеристик по сравнению с литературой для взрослых. Оба этих предположения нужно проверять специальными исследованиями.

Наконец, известно, что связанные с гендером изобразительные характеристики персонажей в потоке литературных текстов постепенно изменяются со временем, меняется и внимание авторов к описанию наружности персонажей [Heuser, Le-Khas, 2012; Underwood, Vamman, Lee, 2018]. Однако нашему корпусу пока недостает объема и хронологического охвата, чтобы проследить подобную динамику, хотя эта задача представляется принципиально важной.

Другой вклад нашей работы относится к методологической плоскости и представляется нам даже более важным. Хотя при анализе стереотипных черт мы опираемся на методологию, во многом похожую на социологическую, мы предлагаем деавтоматизировать социологическую пресуппозицию о простом отражении стереотипов в тексте и рассматривать стереотипные детали как элементы поэтики текста, как часть литературной традиции. Примерами таких деталей могут служить конвенциональные способы изображения эмоциональных состояний (покраснение щек, дрожание губ) и гендерно-окрашенные жесты (сдвинуть шапку на затылок, подпирать коленями подбородок), которые, как показало наше исследование, устойчиво и массово воспроизводятся авторами детской литературы.

Конечно, с точки зрения конвенциональной поэтики эти детали довольно банальны и, можно даже сказать, нехудожественны, в большинстве случаев они не содержат никаких тропов и не встроены в риторические фигуры. Но в то же время в силу их воспроизводимости, устойчивости и возможности считывать передаваемые ими культурные значения их можно рассматривать как *идиомы прозаического дискурса*. Идиома в лингвистике — это единица членимая, но обладающая вполне определенной дискурсивной функцией и некомпозитной семантикой. Пожалуй, наиболее близкую лингвистическую аналогию к тому уровню анализа прозаического дискурса, который мы здесь предлагаем, представляет *конструкция* в том понимании, которое предложил Чарльз Филлмор в своей классической статье [Fillmore, Kay, O'connor, 1988]. Анализ этого типа феноменов в литературной прозе мы и обозначили вынесенным в заглавие статьи (несколько провокационным) термином «поэтика шаблонов». Как кажется, только основательно описав этот уровень в широком срезе литературных текстов, литературоведение получит тот фон, отталкиваясь от которого можно будет со всей ответственностью делать утверждения об индивидуальных особенностях авторского стиля, в том числе в характеристике портретов.

Примечания

¹ Впрочем, стереотипные гендерные характеристики прослеживаются и у неодошественных персонажей, наделенных антропоморфными чертами [Berry, Wilkins, 2017].

² Типология персонажей может строиться только на сюжетной функции, как в морфологии Проппа и его последователей в области нарратологии, либо соединять в себе сюжетные функции и социальные характеристики, особенно если речь идет о жанровой литературе («герой-любовник», «богатая невеста»).

³ Корпус советской детской литературы (ДетКорпус) — это совместный проект исследовательской группы при НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) и Института русской литературы РАН (Пушкинский дом) под руководством К. А. Маслинского. Бета-версия поискового интерфейса по корпусу доступна по адресу: <http://detcorpus.ru/search/>.

⁴ Указатели, использованные при составлении библиографического списка для корпуса детской литературы: *Старцев И. И.* Детская литература (1932–1939). М.; Л.: Детская литература, 1941; *Старцев И. И.* Детская литература (1940–1945). М.; Л.: Детгиз, 1948. 315 с.; *Старцев И. И.* Детская литература (1946–1948). М.; Л.: Детгиз, 1950.; *Старцев И. И.* Детская литература (1949–1950). М.; Л.: Детгиз, 1952.; *Старцев И. И.* Детская литература (1951–1952). М.: Детгиз, 1954.; *Старцев И. И.* Детская литература (1953–1954). М.: Детгиз, 1958.; *Старцев И. И.* Детская литература (1955–1957). М.: Детгиз, 1959.; *Старцев И. И.* Детская литература (1958–1960). М.: Детгиз, 1961.; *Старцев И. И.* Детская литература (1961–1963). М.: Детская литература, 1966.; *Старцев И. И.* Детская литература (1964–1966). М.: Детская литература, 1970.

⁵ Полный список произведений, включенных в выборку, доступен по адресу: <https://github.com/maslinych/childlit-rus>.

⁶ Оценка средней частотности части тела в характеристиках персонажей в корпусе выполнялась следующим образом. По каждой части тела мы рассчитывали процент примеров из выборки относящихся, например, к персонажам-детям. Поскольку выборка случайная, мы оцениваем, что тот же процент *всех употреблений данной лексемы в корпусе* относится к персонажам-детям. Чтобы учесть погрешность выборки, мы рассчитывали 95-процентный доверительный интервал по формуле оценки доли в популяции на основании доли в выборке.

⁷ Для дополнительной проверки наших результатов мы провели хи-квадрат тест, оценивающий отклонения пропорций частей тела в характеристиках детей и взрослых от распределения детей и взрослых в нашей выборке в целом. Мы рассматривали как значимые результаты по тем частям тела, для которых пиросоновские остатки превысили 2.*fn*:chisq.

⁸ Здесь и далее для атрибуции примеров из корпуса приводится фамилия автора, название произведения и год первого отдельного книжного издания, зафиксированного в библиографическом указателе И. И. Старцева. В квадратных скобках приводится год издания, фактически включенного в корпус (если он отличается от года первого издания). Библиографические описания изданий приведены в списке источников в конце статьи.

⁹ Для проверки гипотез использовалась функция *prop.test* в языке программирования R, сравнивались доля части тела в выборке и доля примеров на данную функцию среди всех примеров на эту часть тела.

Источники

- Азбукин Б. П. Пять колодезей. М.: Детгиз, 1957.
 Бондин А. Моя школа. М.: Детгиздат ЦК ВЛКСМ, 1938.
 Валецкий А. Наследники Тимура. Л.: Детгиз, 1957.
 Воробьев В. Честное пионерское // Это уж твердо. М.: Детгиз, 1961.
 Георгиевская С. М. Бабушкино море // Пионер. 1949. № 1–7.
 Голявкин В. В. Тетрадки под дождем // Избранное. Л.: Детская литература, 1989.
 Григорьев С. Мальчий бунт. 2-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.
 Железников В. К. Путешественник с багажом // Чучело. М.: Эксмо, 2011.
 Ицын Б. С. Подростки. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1967.
 Каверин В. А. Два капитана. М.: Оникс, 2003 (Золотая библиотека).
 Караев Г. Н., Успенский Л. В. 60-я параллель: Роман. Л.: Детгиз, 1955.
 Карнаухова И. Повесть о дружных. М.; Л.: Детгиз, 1949.
 Кассиль Л., Поляновский М. Улица младшего сына. Минск: Юнацтва, 1984.
 Котовщикова А. А. В большой семье. М.; Л.: Детгиз, 1949.
 Кошечкина Е. Н. Повесть о сыне / под ред. П. Гаврилова. М.: Детская литература, 1976.
 Ликстанов И. Малышок. М.: Детгиз, 1959.
 Меттер И. М. Товарищи. М.; Л.: Детгиз, 1953.
 Печерский Н. П. Красный вагон. Т. VII. М.: Детгиз, 1963 (Библиотека пионера).
 Прилежаева М. П. С тобой товарищи. М.; Л.: Детгиз, 1949.
 Самсонов С. Н. По ту сторону. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1982.
 Смирнов В. А. Открытие мира: Повесть. М.: Детская литература, 1987.
 Торбан Р. С. Заколдованная палата. Липецк: Липецкое книжное издательство, 1962.

Торбан Р. С. Снежный человек. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1964.

Фраерман Р. И. Дальнее плавание // Повести. М.: Детская литература, 1967.

Фраерман Р. И. Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви. Минск: Юнацтва, 1986.

Яковлев П. Н. Первый ученик. Ростов н / Д: Ростовское книжное издательство, 1973.

Исследования

Барахов В. С. Литературный портрет: истоки, поэтика, жанр. Л.: Наука, 1985.

Белецкий А. И. В мастерской художника слова // Вопросы теории и психологии творчества. Т. VIII, 1923.

Богомолова М. Портрет в прозе Андрея Платонова: Итоги изучения и нерешенные проблемы // Russian Literature. 2013. Vol. 73. № 1–2. P. 229–253.

Бонч-Осмоловская А. Корпусные наблюдения над портретами героев в Войне и мире // LEO PHILOLOGIAE: фestsрифт в честь 70-летия Льва Иосифовича Соболева. М., 2016. С. 13–51.

Гинзбург Л. О литературном герое. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-е, 1979.

Давидович М. Г. Женский портрет у русских романтиков первой половины XIX в. // Русский романтизм / под ред. А. И. Белецкого. Л.: Academia, 1927.

Дружкина В. А. Портретная живопись в романе «Война и мир» (Методологический этюд) // Толстой и о Толстом. Вып. II. М.: Толстовский музей, 1926.

Здравомыслова Е. Гендерные стереотипы в дошкольной детской литературе: Русские сказки / Е. Здравомыслова, Е. Герасимова, Н. Троян // Преображение: науч.-лит. альм. Гендерные стереотипы в дошкольной детской литературе. № 6. 1998. С. 65–77.

Маркович В. М. Человек в романах И. С. Тургенева. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975.

Ребель Г. М. Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского (Типологические явления русской литературы XIX века). Пермь: ПГПУ, 2007.

Adams M., Walker C., O'Connell P. Invisible or involved fathers? A content analysis of representations of parenting in young children's picturebooks in the UK // Sex roles. 2011. V. 65, № 3/4. P. 259–270.

Anderson D. A., Hamilton M. Gender role stereotyping of parents in children's picture books: The invisible father // Sex roles. 2005. V. 52, № 3/4. P. 145–151.

Baker-Sperry L., Grauerholz L. The pervasiveness and persistence of the feminine beauty ideal in children's fairy tales // Gender & Society. 2003. V. 17, № 5. P. 711–726.

Berry T., Wilkins J. The Gendered Portrayal of Inanimate Characters in Children's Books // Journal of Children's Literature. 2017. V. 43, № 2. P. 4–15.

Crabb P. B., Bielawski D. The social representation of material culture and gender in children's books // Sex roles. 1994. V. 30, № 1/2. P. 69–79.

Dougherty W. H., Engel R. E. An 80s look for sex equality in Caldecott winners and honor books // The Reading Teacher. 1987. т. 40, № 4. P. 394–398.

Eder J., Jannidis F., Schneider R. Characters in fictional worlds: Understanding imaginary beings in literature, film, and other media. V. 3. Walter de Gruyter, 2010.

Fillmore C. J., Kay P., O'connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone // Language. 1988. P. 501–538.

Heidbrink H. Fictional Characters in Literary and Media Studies // Characters in Fictional Worlds: Understanding Imaginary Beings in Literature, Film, and Other Media. V. 3/ed. by J. Eder, F. Jannidis, R. Schneider. Walter de Gruyter, 2010. P. 67–110.

Heuser R., Le-Khac L. A Quantitative Literary History of 2,958 Nineteenth Century British Novels: The Semantic Cohort Method // Stanford Literary Lab Pamphlet Series. 2012. URL: <https://litlab.stanford.edu/LiteraryLabPamphlet4.pdf> (дата обращения: 1.11.2018).

Kortenhaus C. M., Demarest J. Gender role stereotyping in children's literature: An update // Sex roles. 1993. V. 28, № 3/4. P. 219–232.

Nilsen A. P. Five factors contributing to the unequal treatment of females in children's picture books // Top of the News. 1978. V. 34, № 2. P. 255–259.

Underwood T., Bamman D. The Gender Balance of Fiction, 1800–2007. 2016. URL: <https://tedunderwood.com/2016/12/28/the-gender-balance-of-fiction-1800-2007> (дата обращения: 1.11.2018).

Underwood T., Bamman D., Lee S. The Transformation of Gender in English-Language Fiction // Journal of Cultural Analytics. Feb. 13, 2018.